

Анджей Иконников-Галицкий

СОЖЖЁННЫЕ РЕВОЛЮЦИЕЙ

ГЕРОИ И ЖЕРТВЫ ВЕЛИКОЙ СМУТЫ

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург

*Посвящается моей бабушке, моему деду,
моей крёстной, их родным
и двоюродным братьям и сёстрам и всем,
пережившим великую русскую смуту*

Вступление. Новый, 1917 год

1917 год в России начинался на удивление спокойно. Погода над Русской равниной стояла ровная, умеренно-морозная. В декабре утихли бои на всех направлениях. Справили Рождество. Отслужили молебны на новолетие. Над фронтом и над тылом повисла странная, давно забытая тишина.

За две недели до нового года Николай II выехал из Могилёва, где располагалась Ставка Верховного главнокомандующего, в Царское Село. С 1904 года император с семейством постоянно жил в Александровском дворце Царского Села или на Приморской даче в Петергофе; Петербург посещал по необходимости, главным образом по случаю официальных церемоний.

Из дневника Николая II. Перед новым годом:

«18-го декабря. Воскресенье. Утром было 14° мороза. После обедни пошёл к докладу Лукомского, нового ген[ерал]-квартирмейстера, а затем на заседание главнокоманд[ующих]. После завтрака оно продолжалось ещё полтора часа. В 3½ поехали вдвоём в поезд. Через час уехали на север. День был солнечный при 17° мороза. В вагоне всё время читал.

19-го декабря. Понедельник. Хорошо выспался. Мороз стоял крепкий. Всё время в вагоне читал. Прибыли в Царское село в 5 ч. Дорогая Аликс с дочерью встретила и вместе поехали домой. После обеда принял Протопопова»*.

Комментарий о будущем

Александр Сергеевич Лукомский – генерал-лейтенант. Благополучно переживёт Февральскую революцию. 1 сентября 1917 года будет арестован как участник Корниловского выступления, после Октября бежит в Новочеркасск, станет одним из руководителей Белого движения. Умрёт в Париже в 1939 году.

Александр Дмитриевич Протопопов – министр внутренних дел, назначенный на этот пост в сентябре 1916 года; до этого депутат Государственной думы, член умеренно-либерального «Союза 17 октября». После Февральской революции будет арестован, заключён в Петропавловскую крепость, где его увидит герой этой книги Александр Блок. 27 октября 1918 года будет расстрелян в Москве «в порядке административного усмотрения».

Продолжение дневника:

«21-го декабря. Среда. В 9 час. поехали всей семьёй мимо здания фотографий и направо к полю, где присутствовали при грустной картине: гроб с телом незабвенного Григория, убитого в ночь на 17-е дек[абря] извергами в доме Ф. Юсупова, кот[орый] стоял уже опушенным в могилу. О[тец] Ал[ександр]

* Дневник Николая II здесь и далее цит. по: Дневники императора Николая II / сост., коммент. и примеч. В. П. Козлова, Т. Ф. Павловой, З. И. Перегудовой; общ. ред. и предисл. К. Ф. Шацилло. М., 1991. С. 614–618.

Васильев отслужил литию, после чего мы вернулись домой. Погода была серая при 12° мороза».

Комментарий о будущем

Григорий – это Распутин. Через семьдесят девять дней тело Распутина по решению Временного правительства будет вытаскано из могилы, вывезено на окраину Петрограда и сожжено, а пепел, по-видимому, закопан на месте сожжения. Во время блокады возле этого места в огромных траншеях будут зарывать сотни тысяч погибших – образуется знаменитое Пискаревское кладбище.

«Изверги» – великий князь Дмитрий Павлович, князь Феликс Юсупов, депутат-монархист Владимир Пуришкевич, гвардии поручик Сергей Сухотин и доктор Станислав Лазоверт (возможно, кто-то ещё, чьи личности остались неустановленными в ходе следствия). Все они спасутся от революции за границей, кроме Пуришкевича, которому суждено умереть от тифа в Новороссийске в феврале 1920 года, в тылу гибнущего белого воинства.

Протоиерей Александр Васильев – настоятель собора Феодоровской иконы Божией Матери в Царском Селе. Будет расстрелян в день опубликования Декрета о красном терроре, 5 сентября 1918 года; его гибель определит судьбу последнего из тринадцати героев этой книги – священномученика Владимира Лозина-Лозинского.

Продолжение дневника:

«24-го декабря. Сочельник. В 11 ч. поехал с дочерьми к концу обедни и к вечерне. <...> Погулял. Было 10° мороза и тихо. <...> До чая была наверху ёлка детям и наша одновременно. В 6½ поехали ко всенощной. <...>

25-го декабря. Рождество Христово. Хороший солнечный день, 8° мороза. В 10½ поехали к обедне. В 2 часа была первая ёлка конвоя. Свод[ному] и Жел[езнодорожному] полкам. Играли балалаечники, и недурно пел хор песенников. Вернулись домой в 3¼. Погулял с Ольгой. До 5 ч. принимал Протопопова. <...>

31-го декабря. Суббота. Принял доклады: Шуваева, Кульчицкого и Фредерикса. <...> Погулял с детьми. В 4 часа принял ген[ерала] Беляева и затем кн[язя] Голицына. В 6 ч. поехали ко всеобщей. Вечером занимался. Без 10 м. полночь пошли к молебну. Горячо помолились, чтобы Господь умилился над Россией!»

Комментарий о будущем

Дмитрий Савельевич Шуваев – генерал от инфантерии, военный министр. Через три дня, 3 января 1917 года, государь отправит его в отставку. Во время Февральской революции он будет арестован, но почти сразу освобождён; после Октябрьской революции снова арестован и снова освобождён; с 1918 года – в Красной армии, на высоких должностях вплоть до начальника штаба Петроградского военного округа. В 1937 году будет арестован НКВД и расстрелян в возрасте восьмидесяти трех лет.

Николай Константинович Кульчицкий – профессор, гистолог с мировым именем; четырьмя днями раньше был назначен министром народного просвещения. После Октябрьской революции будет арестован, освобождён, бежит в Крым, потом за границу; погибнет в результате несчастного случая в 1925 году в Англии.

Владимир Борисович Фредерикс – министр двора его императорского величества. 2 марта 1917 года

в Пскове он скрепит своею подписью акт об отречении Николая II. Будет арестован 9 марта 1917 года рабочим советом в Гомеле и доставлен в Петроград, где его поместят в психиатрическую больницу, а затем освободят «по старости и слабоумию». Всю Гражданскую войну проживёт в Петрограде. В 1924 году ему разрешат выехать в Финляндию, где он и умрёт в 1927 году в возрасте восьмидесяти восьми лет.

Михаил Алексеевич Беляев – генерал от инфантерии, дальний родственник Александра Блока (на двоюродной сестре генерала Марии Тимофеевны был вторым браком женат отец поэта). Через три дня он будет назначен военным министром вместо Шуваева. 1 марта 1917 года будет арестован, вскоре освобождён, вновь арестован, вновь освобождён. Осенью 1918 года будет арестован как заложник и расстрелян.

Князь Николай Дмитриевич Голицын – только что назначенный председатель Совета министров. 28 февраля 1917 года, в первый день революции, он будет арестован, через две недели освобождён. После Октября останется в Совдепии, в Москве, потом в Рыбинске; по некоторым сведениям, будет зарабатывать на жизнь сапожным ремеслом и охраной общественных огородов. Трижды подвергнется аресту. После третьего ареста по постановлению коллегии ВЧК-ОГПУ будет расстрелян 2 июля 1925 года в Ленинграде в возрасте семидесяти пяти лет.

Из газет. 1 января

В новогоднюю ночь в церквах имперской столицы совершалось торжественное молебствие. Петроградский митрополит Питирим служил в Александро-Невской лавре; в Исаакиевском соборе – викарный архиерей Петроградской епархии Вениамин, епископ Гдовский; в Казанском – второй викарий Геннадий, епископ Нарвский.

Утром, в праздник Обрезания Господня и в день памяти святого Василия Великого, после литургии – снова молебны.

Комментарий о будущем

Питирим (Окнов) – митрополит Петроградский и Ладужский, 28 февраля 1917 года будет арестован, но сразу же освобождён; 6 марта того же года определением Святейшего синода уволен на покой по прошению (в возрасте пятидесяти восьми лет) с определением местожительства в пределах Владикавказской епархии. Умрёт 21 февраля 1920 года в Екатеринодаре во время отступления деникинских войск, перед приходом красных.

Вениамин (Казанский) в мае 1917 года свободным голосованием клира и мирян будет избран на Петроградскую кафедру. Будет возглавлять епархию в годы военного коммунизма и первых гонений на Церковь. Сыграет решающую роль в жизни ещё одного нашего героя – Александра Введенского. В июне 1921 года будет арестован, через месяц осуждён по обвинению в воспрепятствовании изъятию церковных ценностей; 13 августа того же года его расстреляют вместе с другими осуждёнными.

Геннадий (Туберозов), епископ Нарвский, затем архиепископ Псковский и Порховский, будет арестован в августе 1922 года по обвинению в контрреволюционной агитации и сокрытии церковных ценностей. По многочисленным ходатайствам верующих его отпустят на свободу. Умрёт он вскоре после этого, в 1923 году.

Из газет, продолжение

В первый день нового года в четвёртом часу дня в Царском Селе государь изволил принимать поздравления от своих подданных и представителей дипло-

матического корпуса. Первыми принёс поздравления председатель Совета министров князь Голицын, вслед за ним министры и главноуправляющие, затем председатель Государственного совета Щегловитов, председатель Государственной думы Родзянко, государственный секретарь, помощник министра императорского двора, высшие чины двора, чины свиты. Далее его императорскому величеству имели честь быть представленными дипломаты. Все эти церемонии продолжались более двух часов.

Комментарий о будущем

Михаил Владимирович Родзянко (между прочим, сын и внук жандармских генералов) всего через два месяца, 27 февраля 1917 года, станет номинальным лидером революции, возглавив Временный комитет Государственной думы. Выступит одним из инициаторов отречения Николая II. После Октября присоединится к Белому движению, но популярностью среди его участников пользоваться не будет. В 1920 году эмигрирует в Югославию, где и умрёт в 1924 году.

Иван Григорьевич Щегловитов будет во время Февральской революции арестован, год просидит в заключении в Петропавловской крепости; затем будет перевезён в Москву. Его расстреляют как заложника сразу же по объявлении Декрета о красном терроре, 5 сентября 1918 года, в один день с отцом Александром Васильевым.

Из дневника Николая II. Первый день 1917 года:

«Воскресенье. День простоял серенький, тихий и тёплый. В 10½ ч. поехал с дочерьми к обедне. После завтрака сделал прогулку вокруг парка. Алексей встал и тоже был на воздухе. Около 3 ч. приехал

Миша с кот[орым] отправился в Большой дворец на приём министров, свиты, начальников частей и дипломатов. Всё это кончилось в 5.10. Был в пла-стунской черкеске. После чая занимался и отвечал на телеграммы. Вечером читал вслух».

Комментарий о будущем

Алексей – наследник престола. Сейчас ему тринадцать лет. Болен неизлечимой болезнью – гемофилией. Будет расстрелян вместе с отцом, матерью, четырьмя сёстрами, лейб-медиком, камердинером, поваром, горничной и двумя домашними собаками в подвале дома Ипатьева в Екатеринбургe в ночь с 16 на 17 июля 1918 года.

Миша – великий князь Михаил Александрович, младший брат императора. Актом об отречении Николай II передаст ему престол, однако под давлением думских политиков он уклонится от принятия власти. Будет арестован Временным правительством в сентябре 1917 года по подозрению (совершенно безосновательному) в связях с Корниловским движением. Затем его освободят, но через полгода, уже при Советах, снова арестуют, отправят в Пермь, где в ночь с 12 на 13 июня 1918 года он будет тайно убит местными большевиками.

Ещё из газет. 1 января 1917 года

В официальной части: сообщение от штаба Верховного главнокомандующего.

Западный фронт. В рижском районе южнее озера Бабит немцы густыми цепями атаковали наши части, расположенные восточнее деревни Калицем. Атака была отбита. Воздушная эскадра противника из тринадцати аэропланов сбросила на станцию и местечко Родзивилов около сорока бомб. Наши аэропланы, произведя разведку в тылу противника, несмотря на сильный артиллерий-

ский обстрел по ним, снизились и обстреляли пулемётным огнём батарею противника у деревни Крухов (в двадцати верстах восточнее Злочева).

В части неофициальной.

В Петрограде Александринский театр даёт пьесу графа Льва Толстого «Плоды просвещения», Мариинский – балет Чайковского «Спящая красавица», Театр Аксарина – оперы «Травиата», «Добрыня Никитич», «Севильский цирюльник», «Фауст с Вальпургиевой ночью», а вечером 2 января там же будет представлена патриотическая опера «Жизнь за царя» с участием Фёдора Шаляпина.

Рядом – объявления: курсистка с золотой медалью, умеющая печатать на машинке, ищет вечернюю работу; студент-репетитор готовит учеников; продаются за умеренную цену дамские корсеты всех размеров; а кому надо – свечи от геморроя; ювелир Б. Марков покупает по высокой цене на любую сумму бриллианты, жемчуг, драгоценные камни, антикварные вещи.

В Москве открыта выставка скульптора, действительного члена Императорской академии художеств Сергея Конёнкова. В Театре Незлобина дают пьесу Михаила Арцыбашева «Враги», а в Мамонтовском театре – «Барышню Маню и Сеньку-разбойника». В кинотеатре «Арс» идёт «Страстная песнь любви и печали». Присяжный поверенный Зайцев предлагает услуги по бракоразводным делам. Доктор В. Понятовский объявляет, что пользуется по внутренним и женским болезням. Седые волосы красят скоро и прочно во все цвета; продаются офицерские седла, стальные канаты, настенные часы и паровые молотилки.

В хронике происшествий: сообщение об ограблении банка в Харькове на два с половиной миллиона рублей. По горячим следам задержан рецидивист Шиманский.

Из сообщений тревожных

В Кременчуге продолжается хлебный голод, в Житомире – недостаток муки, в Сумах – острый мучной голод, в Одессе нет сахара. С 1 января на пятнадцать процентов повышаются железнодорожные тарифы.

В газете «Речь», органе либеральной партии конституционалистов-демократов, думский депутат Андрей Шингарёв (это один из героев нашей книги) огорчает новогоднего читателя: государственный долг увеличился больше чем на 26 миллиардов, количество бумажных денег достигло девяти миллиардов вместо нормальных полутора-двух. Что готовит нашей хозяйственной жизни 1917 год? Если не изменится порядок в России, если будет и дальше игнорироваться общественное мнение – ничего хорошего.

Ему вторит депутат от той же партии Фёдор Родичев: 1917 год – год решающего поворота в судьбах страны.

Враги Шингарёва и Родичева, монархисты из Союза русского народа, согласны с этим. В газете «Русское знамя» они подтверждают: в истории России вполне определённо наметился резкий поворот. И делают несколько фаталистический вывод: остаётся лишь молить Всевидящее Око о поддержании в русском народе его неистощимой выносливости в борьбе за свободу и счастье России*.

* * *

Был день, когда пришли сыны Божии предстать пред Господа; между ними пришёл и сатана предстать пред Господа. И сказал Господь сатане: откуда ты пришёл?

* Материалы из газет даны по изданию: *Стирлин Л. М.* Россия, 1917 год: Из истории борьбы политических партий. М., 1987. URL: http://scepsis.net/library/id_3070.html.

И отвечал сатана Господу и сказал: я ходил по земле и обошёл её*.

И сказал Господь сатане:

– Видел ли ты Россию? Нет другой страны на земле, где так слышат слово Моё и где так горят сердца об Имени Моём, а ты сотворил ей много зла и много раз побуждал Меня против неё, чтобы погубить её безвинно.

И отвечал сатана Господу, и сказал:

– Ты слишком хорошо думаешь о людях. Они – предатели от природы, и те, которые в России сейчас (у них праздник) так пламенно молятся Тебе, – не исключение. Им не нужно Твоё совершенство, Твоя вечность, Твоё царство. За мечту о земном счастье отдадут люди всё, что есть у них. Покажи им хоть тень, хоть призрак, хоть кратковременный образ этого счастья – благословят ли они Тебя? Нет, девять из десяти сразу отрекутся от Тебя и забудут Тебя, а те, которые останутся Тебе верны, будут мучимы люто, пока не отрекутся тоже. Дай мне искусить их – и увидишь.

И сказал Господь сатане:

– Вот, страна эта в руке твоей. Даю тебе всю власть над ней и над всем, кто в ней – до времени.

И отошёл сатана от лица Господня...

* Книга Иова 2:1, 2.

КАТЕХИЗИС РЕВОЛЮЦИОНЕРА

Как быть с тем ужасом, который –
стук времени? И вот народоволец
на кухне варит динамитный студень.
Лишь утро заиграло на камнях –
сон побоку. На Малой он Садовой
ждёт императора с латунной челобитной.
Вот едут. Сердце бух, как колесо...

Блаженство... Боль. И время – умирает.

Но заспиртованную голову
два месяца хранят для опознания,
потом возьмут для книг. Потом потомок,
как бюст, на постамент её поставит.

Убито. Взорвано. А всё-таки стучит.

«Что делать?» И «Пойдём другим путём».
Составим тайный клан таких же, с бомбой.
Уйдём в подвалы, в норы. Там при лампе
прочтём разгадку– кто завёл хронометр.
И выждем миг. Когда с высот комета,
кругом война, мор, голод, страх в народах –
вдруг явимся. И вдруг укажем цель.
Возьмём бразды. Дадут нам государство.
Тогда начнём. Сперва во рвы врагов.
Потом друзей в застенках хлоп в затылок.
Потом и прочий люд в лесоповал.
Отцов сгноим в Крестах. Споим детей.

И круг замкнув, без риска выжить Землю
гремучим студнем напоим, как бомбу, –
и бросим в Бога.

Времени не будет.

Примечания

Гремучий студень – один из видов динамита, основной компонент взрывных устройств, применявшихся революционерами-террористами.

На Малой Садовой улице в Петербурге, на пути регулярных царских выездов, народовольцы подготовили к 1 марта 1881 года ловушку для Александра II: вырыли подкоп, в который заложили два пуда (более тридцати килограммов) динамита, а также разместили по углам улицы четыре боевика, вооружённых «адскими машинами». Правда, подкоп не понадобился: император внезапно изменил маршрут. Подкараулить его удалось на обратном пути, на набережной Екатерининского канала.

Боевик, бросивший в императора смертельную бомбу, сам был изранен взрывом и умер в тот же день, не назвав своего имени. Для установления личности его голову отделили от туловища, законсервировали в банке со спиртоформалиновой смесью и показывали для опознания.

«Что делать?» – одна из программных работ Ленина (1901 год) о путях и методах подпольной революционной борьбы. «Мы пойдём другим путём» – фраза, которую юноша Ульянов, будущий Ленин, якобы произнёс, узнав о казни старшего брата – террориста в 1887 году.

Кресты – знаменитая питерская тюрма.

КРУГ ПЕРВЫЙ

ГЕРМАН ЛОПАТИН

СОТВОРЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРА

Однажды странствуя среди долины дикой,
Незапно был объят я скорбию великой
И тяжким бременем подавлен и согбен,
Как тот, кто на суде в убийстве уличен.

А. С. Пушкин

Революция – совокупность разрушительных действий множества людей. Революция – всегда вдохновенна. Одушевлённые великой мечтой, озарённые сиянием грядущего счастья, люди соединяются в массы и идут, увлекая одних, топчя других, сметая все препятствия... куда? Никуда. Туда же, откуда пришли: в погибель. На месте великого и страшного движения остаются кровавые тряпки, битое стекло, развороченные мостовые. Потом сквозь это прорастает трава. Потом следы разрушений притаптываются и новые подмётки с дореволюционной деловитостью шаркают по той же земле.

В промежутке между началом и концом – судьбы людей.

Вот те, кто идёт в первых рядах революционного потока. Они раньше всех приняли в себя одушевляющий огонь дьявольской мечты о скором и всеобщем счастье. Они много потрудились, чтобы передать другим сжигающее их пламя. Тут есть разные лица: прекрасные и невзрачные, благородные и простецкие, мужские и женские, молодые и постарше. Но в глазах одно общее выражение: жертвенность. Неустрашимые борцы за то, что считают правдой, они скоро станут жертвами общечеловеческой лжи. «За лучший мир, за святую свободу...»

Откуда они? Кто они?

Посмотрим.

I

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ВСТРЕЧА

Начнём издалека...

Прекрасное тёплое раннее лето. Время года, когда всюду хорошо, особенно во Франции. Oh, la douce France!* Веет беззаботностью. Длинноволосые ивы любят свои отражения в ровной воде Сены. Окрестности Парижа веселят глаз молодой зеленью. Кругом цветы. Концертируют птицы.

В первых числах июня 1883 года в ворота виллы Ле Френ – «Ясени» – в Буживале постучал гость из числа примечательных. Лет тридцати семи, высок, крепок, русобород, светлоглаз. Вполне похож на героя-любовника из бульварного романа. Только твёрдый абрис лица да общая решимость, залёгшая в резких морщинах вокруг глаз, настоящие, не романские. Вилла Ле Френ видела много людей необыкновенных. Этот – хотя и выглядит смиренно, и одет неброско, как небогатый буржуа, но явно отмечен какой-то особой печатью силы и судьбы.

На вопрос прислуги гость ответил, что желает видеть господина Тургенева. Ответил с акцентом настолько характерным, что прислуга определила сразу: *encore un russe***.

– Месье Тургенёф болен...

– Знаю, – перебил посетитель. – Доложите обо мне мадам.

Служанка, как видно, была новая, иначе она узнала бы этого человека, отрекомендовавшегося тоже как-то странно: «Месье Барт, но назовите меня Лопатин,

* О, милая Франция! (*франц.*).

** Снова русский (*франц.*).

Герман Ло-па-тин»... Последние слова с особенным, чуждым французскому уху барабанным ударением. Господин Барт в прежние времена бывал неоднократно (хотя и не слишком часто) на вилле Ле Френ в тургеневском «шале» – домике, приютившемся на краю имения семейства Виардо.

Мадам Виардо немедленно приняла посетителя.

– Рада вас видеть, дорогой Жермен, – мадам назвала его по-домашнему, по имени. – Но месье Тургенев очень плохо себя чувствует. Не хотела бы вас огорчать, но, боюсь, с ним невозможно будет повидаться.

Всё это было сказано ровным, спокойным тоном. И потом гораздо тише:

– Ему уже кололи морфий...

Что это? В больших выразительных, но всегда бесстрастных глазах Полины Виардо таились слёзы, и, кажется, давнишние...

– Мадам, я должен повидать господина Тургенева. Это его пожелание. Прочтите.

Гость протянул Полине исписанный дрожащим карандашом листок.

Из последнего письма Ивана Сергеевича Тургенева Петру Лавровичу Лаврову от 1 (13) июня 1883 года:

«Так как мне в последнее время словно полегчало и я стал способен если не говорить, то хоть слушать – то не будете ли Вы так добры, не попросите ли Лопатина зайти ко мне когда ему вздумается (если хотите, конечно, и Вы с ним) – и я бы очень ему порадовался»*.

* Цит. по: *Итенберг Б.* Иван Тургенев и Петр Лавров // «Вопросы литературы». 2006. № 6. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2006/6/ite10.html>.

Из письма Германа Лопатина Семёну Афанасьевичу Венгерову, 17 (30) июня 1906 года:

«...Я застал его [Тургенева] в ужасном уже состоянии. <...> Он не сказал мне даже того, для чего нарочно призывал меня к своему смертному одру, так что я даже не узнал и не догадался, о чём он желал поговорить со мною, но отложил до безболезненного момента и более свежей головы»*.

Из бесед с Германом Лопатиным:

«Тургенев, – вспоминал Лопатин, – корчился от боли. <...> Ему только что впрыснули морфий, и он должен был заснуть. Увидев меня, Тургенев обрадовался.

– Я не могу говорить сейчас, – сказал он, – но мне необходимо увидеть Вас ещё раз и переговорить с Вами.

Я хотел что-то сказать, но Иван Сергеевич остановил меня.

– Молчите, молчите, – сказал он, – дайте мне договорить, а то я сейчас засну. Вы приедете ещё раз ко мне непременно»**.

Но эта встреча Лопатина с Тургеневым оказалась последней. Через три месяца Тургенев умер. Что хотел он сказать Лопатину и почему именно ему порадовался бы в своих предсмертных мучениях и тоске – осталось тайной навечно.

* Г. А. Лопатин. Письмо к С. А. Венгерову // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома, 1975. М., 1977. Публикация Л. Н. Ивановой. URL: http://ruslit.com.ua/russian_classic/lopatin_ga/pismo_k_s_a_vengerovu.8923/?page=1.

** Беседа с Лопатиным // И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников. М.; Л., 1930. С. 122.

Итак, кто же этот Герман Лопатин, беседа с которым могла скрасить последние, поистине ужасные дни жизни властителя дум старосветской русской интеллигенции?

Перечень фактов биографии этого человека производил впечатление на вольнодумных художников и писателей, вчерашних студентов и курсисток и даже на прошедших тюрьму и ссылку беглых деятелей революционного подполья – словом, на всю ту публику, которая составляла разбросанный по Европе мир русской эмиграции. Пять арестов, пять побегов (два неудачных, три успешных). Нелегальный вывоз из России – а проще сказать, похищение из-под носа у жандармов – ссыльного Петра Лаврова и попытка вызволения Чернышевского, хотя и неудачная.

Но не только эти деяния привлекали к Лопатину восхищённо-уважительное внимание русских эмигрантов и их единомышленников в России. Главный магнит заключался в свойствах его личности, его характера. В нём не было ни амбициозности, ни доктринёрства, ни взвинченного фанатизма, столь часто встречающихся в среде политических изгнанников. Он ни над кем не стремился властвовать, не призывал других, а делал сам. Он не терпел лжи во спасение, с которой привыкли мириться русские интеллигенты; он был правдив. Он производил впечатление человека последовательного, вдумчивого, решительного, не разъедаемого сомнениями (если сомнения и были, то он умел скрывать их). Словом, он был силен и целен. И этим придавал всему русскому оппозиционному общественному движению некую весомость, нравственную солидность. Ему невольно хотелось доверять – и верить, что будущее за такими, как он.

II СЧАСТЛИВЕЦ

Герман Александрович Лопатин по обстоятельствам своего рождения и детства мог бы почитаться счастливецом. Начать с того, что он был первым в старинном приказно-священническом роде Лопатиных, кому привелось родиться во дворянстве. Его отец, Александр Никонович Лопатин, сын титулярного советника («обер-офицера», как он сам писал в официальных бумагах), окончил в 1834 году Казанский университет, за десять последующих лет дослужился до коллежского асессора и вместе с этим чином получил права потомственного дворянства*. Всего через несколько месяцев после этого события, 13 (25) января 1845 года, супруга Александра Никоновича, Софья Ивановна, разрешилась от бремени. Первый мальчик, родившийся в семье Лопатиных (двухлетняя дочка Оленька уже топала ножками по комнатам асессорской квартиры), был наречён Германом. Имя мужественное, вполне соответствовавшее облику и характеру младенца. С первых дней жизни он отличал

* Нередко встречается ошибочное указание на дворянское происхождение А. Н. Лопатина. Формула «сын обер-офицера», которой он пользовался в официальных документах, указывает на то, что его отец, Никон Никонович Лопатин, имел права личного, но не потомственного дворянства. В соответствии с тогдашним законодательством Александр Никонович, как сын личного дворянина, мог стать потомственным дворянином по достижении чина VIII класса статской службы, т. е. коллежского асессора (об этом см.: Род Лопатиных – из крестьян и попов Вятской губ. // Семейный архив. URL: http://www.domarchive.ru/archive/fonds/1_rod/1037).

ся крепостью, силой, здоровьем. С возрастом к этому добавились очевидная красота внешности и твёрдость мальчишеского характера.

Как можно не гордиться таким сыном? Родители, безусловно, гордились. Да и вообще их семейная жизнь складывалась на редкость благополучно. Александр Никонovich ко времени получения дворянства и рождения старшего сына занимал престижную должность инспектора Нижегородского Александровского дворянского института. Через пять лет был переведён в Ставрополь, где продолжал продвигаться в чинах. В 1860-х годах он – статский, затем действительный статский советник, управляющий губернской Казённой палатой: чин и должность генеральские. Дети растут – как на подбор. Сыновья – Герман, Всеволод, Николай, Сергей – красавцы, богатыри. Дочери – Ольга, Вера, Надежда, Любовь – красавицы и умницы. Особое внимание – Герману. Удивительная цельность его характера всё заметнее дополняется академическими талантами. Летом 1861 года он оканчивает Ставропольскую гимназию – и не просто, а триумфально: получает золотую медаль. Что ж, надо спешить к новым успехам – ехать в Петербург.

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА